

ВЛАДИМИР БЕСТУГИН
АЛЕКСЕЙ ЖДАНОВ

**Здорово наступит
никогда**

Владимир Бестугин
Алексей Жданов

Здорово наступит никогда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27433147

ISBN 9785448595691

Аннотация

Россия начала 90-х. Главный герой нанимается шерпом в туркомпанию, которая предлагает иностранцам трек в горах Кавказа с восхождением на Эльбрус. Учитывая особенности нашего сервиса и беспокойную обстановку в регионе, поход превращается в серьезное испытание для европейцев, купивших путевку «Жемчужина Кавказа». Но молодость и жизнерадостное отношение к жизни главного героя и его друзей позволяют преодолеть невзгоды на пути группы, несмотря на погоду, грабителей, травмы и трудности с языком.

Содержание

Глава 1. «Турдом»	6
Глава 2. Перевал «в темную»	23
Глава 3. Паровоз	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Здорово наступит никогда

Владимир Бестугин
Алексей Жданов

© Владимир Бестугин, 2017

© Алексей Жданов, 2017

ISBN 978-5-4485-9569-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вся история написана на основе реальных событий, где автор и его друзья были непосредственным участниками, а первые англичане, купившие те злополучные путевки, до сих пор с ужасом вспоминают свои приключения на Кавказе.

Глава 1. «Турдом»

А теперь, ребята, о самом главном. Запомните: все правила горновосхождений написаны кровью людей, поэтому постарайтесь их изучить и не очень спешите их изменять.

(Заслуженный тренер СССР по альпинизму А. А. Малешнов.)

Иногда турист, любящий пейзаж, не в силах удержаться от того, чтобы не описать его.

(Извлечения из памятки горному туристу, 1960 г.)¹

Это было золотое время, когда коммерческий туризм в России еще только набирал обороты, и узники «железного занавеса» начали проворно осваивать нашу небольшую планету. Весело рванули шопники подчищать турецкие базары, робкие челноки потянулись в Польшу толкать на Варшавских рынках все, что плохо лежало в России. И кто-то уже загорал на пляже в Болгарии. Появлялись даже фантастические предложения провести свой отпуск на Канарах. Мы еще не знали где это, но глаза уже горели и воображение рисовало белоснежный песок под пальмами на берегу океана. И казалось, можно было отдать все, что у тебя есть, что бы хоть

¹ – Далее ко всем главам мы брали эпитафии из этой, как оказалось, незаменимой книги (здесь и далее примечания автора).

один раз увидеть. Увидеть и умереть.

Еще больший навар приносил прием иностранцев на своем поле, потому как наши цены в сравнении с тем, что у них там творится – просто смешны. Затраты на гостиницу, автобус и экскурсовода вместе взятые соответствовали стоимости скромного ужина на двоих на набережной Темзы. Услуги на периферии вообще ничего не стоили, и чем дальше от столицы, тем проще было за гроши организовать застолье на всю ораву с водкой, плясками, в наших лучших традициях. По всему делу намечалось прибыльное, и турфирмы открывались, боролись за свою долю пирога, и в этой борьбе рождались самые неожиданные проекты.

Выяснилось, что у нас есть что показать, кроме Красной площади и Мавзолея, и в недрах головы президента одного из первых туристических кооперативов с всеобъемлющим названием «Туристический Дом» оформилась дерзкая идея – не обслуживание набившего оскомину «Золотого Кольца», а организация приключенческих туров в России. Скажем, в горах Кавказа с восхождением на Эльбрус – высочайшую вершину Европы. С последующим сплавом на плотах по горным рекам – до самого моря. Или пересечение пустыни Каракумы на верблюдах, Заполярного Урала на собачьих упряжках, а всего остального на воздушном шаре с замечательным лозунгом: «Приходите к нам, и мы пустим вас по миру!».

Самым сложным, оказалось, найти ненормальных ино-

странцев, достаточно подготовленных к «особенностям национального туризма», а главное желающих за все это хорошо заплатить. Говоря по существу, любой тур в нашей стране это уже «экстрим»², а с учетом походных условий – приключения гарантированы, чего нельзя сказать о таких мелочах как комфорт и безопасность на маршруте.

На поиск клиентов были брошены все силы коллектива, личные знакомства и связи, в результате чего в офисе «Турдома» появилась поджарая фигура мистера Кэмпбэлла – представителя известной в туристическом мире Британской фирмы «Эксокус». Принимающая сторона представила настороженным очам англичанина все наши козыри: настоящего «Снежного барса», ворох самодельных горных карт и схем прохождения никому неизвестных речных порогов, черновой образец контракта и горсть значков «Турист СССР». И переговоры, иногда прерываемые тостами «За горы!», пошли...

Основным вопросом, как ни странно, оказались не российские красоты и достопримечательности, и даже не шашлыки на природе, а безопасность на маршруте! Иначе говоря, страховка и гарантии ее соблюдения. Ведь, по словам мистера Кэмпбэлла, во всем остальном мире это уже работает: европейцы, японцы, американцы стройными рядами поднимаются на Монблан, караванами тянутся по Непалу, сплав-

² «экстрим» (жарг.) – занятия любым видом деятельности или спорта, связанное с непредсказуемым риском для здоровья.

ляются по Замбези под присмотром профессиональных гидов, а главное возвращаются оттуда целыми и невредимыми.

Естественно, оф коз, говорил «Турдом», именно поэтому мы и предлагаем Вам самое гостеприимное место в мире – Кавказ. Тише и безопаснее – еще поискать, а отсутствие определенных удобств (санузел, центральное отопление, электричество) в некотором роде плюс – ничто не мешает общаться с природой в ее первозданном виде. Собственно это и было главным козырем принимающей стороны: никакой цивилизации в условиях максимально приближенных к боевым. Только ты и Горы. Да десяток носильщиков-альпинистов, которые тащат за тобой разборный туалет, представляющий собой полиэтиленовую ширму, баки для подогрева воды и прочее снаряжение, позволяющее в полной мере ощутить гармонию с дикой природой. Разумеется, все клиенты должны быть застрахованы, и в случае не дай бог каких либо неприятностей, достаточно одного телефонного звонка, и вертолет опускается на зеленую лужайку прямо рядом с пострадавшим. Вот только с телефонными будками беда – их там отродясь не было, а полагающиеся спасателям «уоки-токи» как правило не работали и имелись лишь у бандитов, да редких тогда новых русских, но на момент подписания договора наша сторона сочла это несущественным, а мистер Кэмпбэлл не был информирован...

В результате, согласно подписанному контракту, первая группа искателей острых ощущений должна была прилететь

в начале июля, рейсом Лондон – Москва с твердым намерением сделать круговой трек в районе Центрального Кавказа и по возможности совершить восхождение на Эльбрус.

Вот тут то и подвернулись мы.

Однажды жарким июньским днем я завернул в Московский городской туристический клуб на Большой Коммунистической, где вечно тусовались дикие туристы всех мастей в поисках попутчиков или снаряжения. Год за годом, используя свой институтский отпуск, я выбирался на Кавказ то с друзьями, то примкнув к очередному «Всесоюзному слету». Вот и на этот раз рассчитывал встретить в клубе кого-нибудь из таких же «повернутых» на горах, дабы перетереть планы на грядущее лето. Потолкался в коридоре, покопался в деревянной коробке, заполненной записками с безумными предложениями составить компанию неизвестно кому известно куда, а также типа: «Куплю правый или продам левый ботинок с триконями³ 45-го размера», и тут услышал Весть.

Заманчивое предложение заключалось в следующем: есть возможность наняться носильщиком в иностранную группу, собирающуюся на Эльбрус. Получать при этом восемь долларов в день плюс дорога и харчи. То есть делать все, что я каждое лето делал за свой счет, и при том немного заработать. Забавно. Вдобавок появлялась замечательная возмож-

³ Трикони – специальные металлические набойки на подметку для хождения по льду.

ность подняться на Вершину без оформления, популярных в то время маршрутных книжек, отметок в Контрольно-спасательной службе (КСС) и прочих формальностей, от которых тошнило даже тех, кто эти разрешения выдавал.

Через два дня я и еще четверо потенциальных шерпов⁴ предстали пред усталыми очами Александра Ковалева, которому администрация «Турдома» поручила непосредственное исполнение грандиозного начинания. Отодвинув предъявленные нами в доказательство собственного опыта замусоленные маршрутные книжки с печатями несуществующих организаций, коренастый, похожий на медведя альпинист старой закалки, сказал:

– Довольно!

Он отвечал за все возможные последствия мероприятия и уже предчувствовал надвигающиеся неприятности. Про нашу компанию Ковалев был наслышан. В частности по многочисленным, и не всегда положительным, отзывам своих же дружков альпинистов, для которых порядок и дисциплина на маршруте важнее многих других общечеловеческих ценностей. С другой стороны наш многолетний опыт хождения по Кавказу, а так же бравый вид и огромная рыжая борода Деда вселяли надежду, что порученное дело окажется в надежных руках.

⁴ Шерпы – народность, проживающая в Гималаях. Основной заработок – обслуживание высокогорных восхождений в районе Эвереста. Стало именем нарицательным – портер, носильщик.

Мне в ту пору не давали и тридцати, хотя я уже успел закончить институт Гражданской Авиации, отслужить в ВВС, а по возвращению защитить диссертацию, название которой состояло из восемнадцати слов, и во избежание перегрузки текста научными терминами здесь не приводится. Не особо оплачиваемая работа в институте меня не заводила, но позволяла время от времени смотаться то в горы, то на сплав, что признаться захватывало гораздо больше. Кроме того, значительную часть суток занимали друзья, музыка и спорт, так что на любимую красавицу жену и пятилетнего сыночка времени оставалось совсем немного.

Если мне моих лет не давали, то Деду, который был младше меня на два года, можно было приписать любой возраст, ясно было только одно – человек находится в расцвете лет. С ним мы не одну собаку съели, надежнее товарища в горах и дальних походах – пожелать нельзя, и кто видел этот бронзовый лоб, веселые добрые глаза и окладистую бороду согласятся, что лучше, чем Дед – имени ему не придумаешь. Он располагал к себе с первого взгляда и в первый же наш визит в турклуб, когда нас еще никто и в помине не знал, председатель – полковник в отставке, увидев нас орал: «Какие люди!» – все обнимал и хлопал по спине. И дохлопался. Мы взяли у него байдарку на прокат и утопили, а когда пришло время сдавать арендованное – принесли в чехле из-под нее сломанные борта, весла и всякий хлам, завернутый в брезент, да пару бутылок...

С Дедом мы познакомились в горах Кавказа и с тех пор много лет подряд бороздили просторы нашей необъятной родины, поочередно вытаскивая друг друга то из воды, то из ледовых трещин. Его привлекала любая авантюра в которой, как сейчас говорят, можно «оттянуться по полной», чему помогала нечеловеческая выносливость и выработанная с годами способность выживать в любых не тепличных условиях. Он мог спать на камнях, на снегу, на плоту, в стогу сена, на третьей полке общего вагона, в чужой гостиничной койке, а с утра выглядеть, как огурчик.

В миру Дед постоянно менял профессии и за время нашего знакомства побывал и студентом, и комсомольским вожаком, и циклевщиком паркета, и закройщиком спортивного снаряжения. Смена работ, однако, никак не отражалась на состоянии его кошелька, поэтому возможность «быстро разбогатеть», служила ему прекрасным поводом отпроситься у жены на заработки.

Два других любителя активного отдыха за чужой счет, два Андрея – Докучаев и Цыпкин, лет десять назад окончили Московский строительный, но с головой в строительство не ушли. Тогда же в турклубе пересеклись наши дорожки. Оба высокие, плечистые, выносливые как кони, только у Дока волосы вьющиеся, а у Цыпы – наоборот. Сгонять двадцать километров вниз по ущелью до винного магазина и тут же обратно для них было так же естественно, как стоверстный крюк для бешеной собаки, так что для предложенной рабо-

ты оба годились на все сто. К тому же Док в детстве учился в школе с «уклоном», и поэтому сносно знал английский, что в работе с интуристом нам казалось совсем не лишним. В отличие от Цыпы, который безвылазно и безрезультатно трудился в каком-то мутном кооперативе, Док к этому времени уже успел почудить: был женат, служил в органах, выпивал, потом решил круто изменить свою жизнь и уехал, погнавшись за «длинным рублем», прокладывать дороги на север – на Ямал. Там он ездил на оленях, пил спирт, страдал от мошкары и среди местного населения слыл образованным человеком. Но через год мираж рассеялся, денег не прибавилось, жена ушла, и красная бейсболка вновь появилась у дверей турклуба к великой радости своих друзей альпинистов и собутыльников.

Последним в нашей компании оказался Марат, актер в то время малоизвестного, а ныне не существующего театра, а так же художник, поэт и музыкант. И имидж соответствующий: длинные волосы, в жилах азиатская кровь, в глазах степь и табун лошадей, а в зубах папироса. Мы были знакомы еще со школы, но вместе выбраться в горы удавалось не часто: то он роман пишет, то на гастролях. В этот раз охота к перемене мест да возможность подняться на высочайшую вершину Европы заставила-таки его отложить перо и кисть в обмен на рюкзак и ледоруб.

Получив настороженное согласие Ковалева принять нас

в качестве шерпов на первый трек⁵, начинающийся через три недели, мы радостно отправились в ближайший гастроном. Купили «тридцать третьего» портвейна и «Докторской» колбасы и расположились на подоконнике в подъезде соседнего дома. Я поджигал пробки, чтобы откупорить напитки, Марат прикидывал, сколько продуктов потребуется на всю ораву, Док с Цыпой считали, сколько мы заработаем, в уме умножая на восемь, а лицо Деда светилось счастьем и желанием «отдать концы» уже сегодня.

Нужно сказать, что встречаться так часто как раньше не получалось, а в подобном составе не виделись, пожалуй, что с прошлого года, потому и пилось особенно легко. После третьей вспомнили, как безуспешно пытались взойти на этот самый Эльбрус последние три года, как обвалился снежный мост под связкой – Дед и нанявший нас за харчи полковник, а харчи у него были такие, что считай задаром. И как они сорвались, и Дед оказался «подполковником». Как пять лет назад утопили байдарку на Южном Буге, как ходили в экспедицию за Снежным человеком, в общем нахлынуло... После шестой перешли к вопросам по существу: кто что берет и чего из снаряжения не хватает. Палатки обещали выдать от фирмы, и хотя у нас были свои, решили, что в фирменных лучше. Продукты, по решению организаторов, должны быть закуплены и отправлены заранее, для чего Марату и Андрею

⁵ Трек – от англ. track. Так, в отличие от альпинистских восхождений, во всем мире называют маршруты горных походов.

Цыпкину предстояло выехать за два дня до старта всей группы, забив два купе ящиками с консервами, напитками, спиртом – незаменимым атрибутом горных восхождений да мешками с крупой и сахаром. В Черкесске, столице одноименной республики, все перечисленное им следовало перегрузить на машину и доставить в альплагерь «Джайлык» – отправную точку нашего трека. Задача не из легких, учитывая, что среди продуктов ожидалось нечто покрепче какао и сгущенного молока. То есть загнать ребят в купе с таким грузом, все одно, что пустить козла в огород.

– Козлов, – поправил Дед, – их же двое.

Нам с Дедом досталась самая ответственная и возможно самая увлекательная часть подготовки. Необходимо было пробежать намеченный маршрут за неделю до его начала, изучить все подходы, перевалы, а так же наладить связи с местным населением, на случай возможной помощи. Для чего Ковалев обещал выделить некоторую сумму на билеты, питание и непредвиденные расходы. Последняя статья сметы особенно понравилась Докучаеву и следующие два пузыря, за которыми пришлось быстренько сбегать в уже закрытый гастроном, были отнесены на их счет. Самого же Андрея, как человека знакомого с английским языком, оставляли в Москве для организации встречи первой группы и сопровождения ее до самого «театра военных действий» – как выразился, уже изрядно окосевший Цыпа.

Далеко за полночь мы расстались у выхода из ночного ка-

фе «Приют странников», в которое не помню, как попали, и договорились действовать согласно выработанному плану на завтра, то бишь сегодня – спать до упора. Причем страдающий хроническим безденежьем Док не преминул занять из общей кассы червонец, торжественно поклявшись отдать сразу по окончании похода.

Эти дни перед дальней дорогой, всегда пронизаны особой атмосферой ожидания, как в кинотеатре, когда начинают гасить свет, и вроде живешь здесь, а мечтами уже там и по утрам первая мысль: «осталось четыре дня...». По десять раз перебираешь рюкзак, достаешь спальный мешок, весь в песке еще с прошлого похода, с удивлением обнаруживаешь, что в изголовье палатки прожженная дыра, а с прикусом по всей видимости придется распрощаться.

Голоса родных – сквозь дымку. На работу – забил окончательно, хотя и раньше не сильно напрягался. Разбирая бумаги, обнаруживаешь роспись прохождения через перевал Газнок 4500 м, Гиссарский хребет, Фанские горы. Напеваешь под нос что-то из Визбора... Вот калька сплава по реке Черный Черемош, Карпаты. Узункол – Северный Кавказ – это горячее... А того чего нужно конечно нет, только ветхая, плохо читаемая синька карты Центрального Кавказа, вполне достоверно отражающая положение пастушьих кошей и переправ в довоенный период. Рассеянно слушаешь рассказы друзей о планах на Египет, Эмираты – не слышишь. В голове сосны, костер, вершины, снег, сухарь на двоих – Горы! Шум

реки перекатывающей камни по дну, к которому за поход привыкаешь настолько, что без этой колыбельной и сна себе не представляешь. И долго потом в Москве отвыкаешь...

Котлы не мыты, как всегда. Да и кто их когда мыл? Разве что «плановики» – так называют туристов через Профсоюз приобретающих 2-хнедельные путевки – 3 дня гостиница в Домбае (Терсколе, Архызе, Майкопе), 4 дня «горный поход» через Клухорский⁶ перевал от приюта до приюта⁷, неделя в Сухуми на турбазе «XV-го съезда ВЛКСМ». Все в стоптанных прокатных вибрамах⁸ на три размера больше и брезентовых штормовках с наклейками ССО⁹, возглавляемые Заслуженным альпинистом, вынужденным таким образом латать свой бюджет в надежде, что останется время и для души – в перерывах между оплаченными треками стонять на вершину!

Кроме «плановиков» и «дикарей», есть еще так называ-

⁶ Клухорский перевал – самый простой и удобный выход по старой «Военно-Сухумской дороге» из Домбая к Черному морю

⁷ Приют – переходы через перевалы плановых маршрутов начинались и заканчивались в специально построенных сооружениях для высокогорных ночевков, ограждающих «плановиков» от непогоды. Название они обычно получали по месту нахождения относительно хребта – «Северный приют» или «Южный приют».

⁸ Вибрамы – специальные горные ботинки с ребристой подошвой.

⁹ ССО – аббревиатура распространенных тогда Студенческих строительных отрядов. Посылая студентов во время летних каникул «поднимать» БАМ и прочие великие стройки социализма, ВЛКСМ выдавал каждому комплект одежды, состоящий из ужасного вида штанов и непрактичной куртки – штормовки. От дождя это не спасало, от холода тоже. За то – бесплатно.

емые «организованные группы». Это энтузиасты своего дела, те, кто систематически посещает районные турклубы, познают основы альпинизма, учатся вязать узлы и как надо наводить переправы. Год за годом повышают мастерство, проходя все более сложные маршруты, получают разряды, отстаивая перед квалификационными комиссиями свои очередные достижения. В безвремяе же (с осени до лета – начала туристического сезона) они шьют капроновые палатки и рюкзаки, сушат сухари и засаливают сало. В горах их легко распознать по уверенной поступи, выцветшей одежде, неподъемным рюкзакам со всевозможными приспособлениями и бухтой основной веревки поверх всего. И на стоянке у них полный порядок – дрова заготовлены на всю ночь, вокруг палаток отрыт водосток на случай дождя и у костра поют КСП-шные песни под неразлучную спутницу – гитару. В общем – молодцы, да и все тут. И не понятно где мы в этой классификации.

Не забывая об «ответственном спецзадании», которое легло на наши с Дедом плечи, перелистываю зачитанные до дыр путеводители по Кавказу. Выпускались раньше такие книжки в мягкой обложке – описание местности, наиболее популярные маршруты, подходы к перевалам, ориентиры при подъеме и спуске. Предстоящий нам маршрут подразумевал район Центрального Кавказа в Кабардино-Балкарии, куда входит собственно Приэльбрусье с поселками Чегет и Терскол в верховьях реки Баксан. Из Чегета же на-

чинается некогда популярный у плановых туристов несложный маршрут в Грузию через перевал Донгуз-Орун – самый удобный выход к морю и потому не раз хоженный нами после завершения очередного горного похода. Ниже по течению Баксана вправо, орографически¹⁰, уходят ущелья Джантуган, Адылсу, Адырсу, путь по которым приводит к перевалам Главного Кавказского хребта с последующим спуском в столицу Верхней Сванетии – Местию. Оттуда, через перевал Бечо, можно перевалить обратно на север, спуститься по ущелью Юсенги, используя подвернувшийся транспорт, переместиться в Чегет, переночевать в гостинице «Азау», и, уже набрав хорошую спортивную форму, подняться до «Приюта Одиннадцати»¹¹. В нем переночевать и до рассвета по хорошей погоде стартовать в направлении Вершины. А там, глядишь, и поднялся, если конечно, Аллаху будет угодно. Я делал это четыре года подряд, да так ни разу и не дошел. Всегда что-то мешало, как тому танцору. Но сейчас шансы были весьма неплохие: и команда что надо, и акклиматизация предстоит мощная, и бумаги в порядке...

Немного о «бумагах». В те времена для организации горного похода необходимо было иметь на руках «Маршрутную книжку», содержащую всю информацию по составу груп-

¹⁰ Орографически – то есть, смотря вниз по течению реки.

¹¹ Приют Одиннадцати – самый высокогорный в мире приют (4200 м над уровнем моря), расположенный на склоне Эльбруса и используемый для последней ночевки перед штурмом вершины. В последствии, к сожалению, сгорел дотла.

пы, заявленному маршруту, наличию снаряжения и прочую необходимую – тем, кто это выдумал – информацию. Получить такую книжку можно было только доказав свою квалификацию, то есть походный опыт, и предоставив в районный туристический клуб множество справок от различных организаций и врачей. Правилами также подразумевалось, что затем вся группа заявится в Контрольно-спасательную службу, расположенную в предгорьях и только получив окончательное разрешение на месте (тоже не факт!) сможет насладиться горными красотами. Естественно, кроме плановых и организованных групп никто этими бумагами не занимался, что нарушало профсоюзную отчетность и жутко напрягало КСС, работникам которой приходилось искать горе-туристов попавших в переplet и на своих плечах, а иногда и с помощью вертолета выручать несчастных. Потому и лютовали отважные спасатели, отлавливая в горах дикарей, пренебрегающих регистрацией в ущерб собственной безопасности. И можно было запросто огрести авансом, в счет будущих спасработ. А уж подняться то на Гору без хороших бумаг нечего было и мечтать... не имея с собой альтернативы в виде C_2H_5OH ¹²

Размышления прервал телефонный звонок. Звонил Дед: – Наша взяла! Я договорился. Доктор дает два литра спирта, нужно срочно подъехать к нему на «Сокол».

¹² C_2H_5OH – для тех, кто забыл школьную программу, напомним – это формула этилового (медицинского) спирта.

– Ладно, маршрут подождет – подумал я и полез за флягой.

Глава 2. Перевал «в темную»

Спать тогда удобно и хорошо, когда под палаткой есть «пуховая» перина. Когда сверху не капает и струи дождя не пробивают крышу.

Не мешает нарвать цветов и украсить ими вход в палатки, подвязав букет к лобовому «столбику», которым служит посох.

В дороге турист должен питаться хорошо, сытно и вкусно. По заранее разработанному меню.

На следующий день, получив положенные «подъемные» в кассе на третьем этаже «Турдома», мы все еще не могли поверить своему счастью: нам дают деньги за то, что раньше приходилось делать за собственный счет. То есть обычно мы несли деньги в кассу, а теперь наоборот – нам отсчитывают новенькие червонцы прямо из окошечка. Чтобы мы прошли пару детских перевалов, вышли в Сванетию, потом назад, к подножью Эльбруса и по возвращении были готовы повторить маршрут с караваном интуристов. Все напоминало счастливый сон, который очень хотелось досмотреть до конца. Потому, наспех прослушав поставленную перед нами задачу, мы с Дедом отвалили из конторы и взяли билеты до Нальчика на сегодня, пока никто не передумал. Расстались, договорившись встретиться в аэропорту, причем Деду

еще предстояло забрать у ребят котелок и примус, а мне, поскольку спирта в походе всегда не хватает, отоварить отложенные специально на летний отпуск талоны на водку. Если кто позабыл, именно так в то время распределялось общенародное достояние. И задача эта, учитывая километровые очереди, поверьте, была не из легких.

Однако с самого начала мы взяли рваный темп, и весь маршрут пошел наперекосяк. В час ночи, когда по расписанию должен был взлететь наш «Як», я стоял в аэропорту Быково совсем один и матерился в голос, так как не было второго и последнего участника экспедиции. Конечно от Деда, большого любителя горных походов неопределенной категории сложности, можно было ожидать всяких фокусов, но оставить меня без котла и палатки с сорока метрами веревки и двумя спальными мешками было просто свинством.

Друзья появились хмельные и беспокойные спустя десять минут после времени указанного в билете, уже приговоренные мною к расстрелу: Дед и Докучаев, не упустивший случая проводить друзей на чужбину. Причем Деда абсолютно не волновало время вылета нашего рейса, а стрелки на часах он уже перевел. К счастью «Аэрофлот» и в этот раз не подвел. Вылет задержался на час, и мы успели погрузиться, что явилось несомненной удачей. За это и выпили, прежде чем лайнер оторвался от земли. На взлете мы выпили за взлет, а при посадке... Правильно, вы чертовски догадливы.

В Нальчике лило и была ночь. До обеда мы сладко спали

на лавочках в автовокзале, и спросонья я взял билеты до места назначения, откуда, как отпечталось в моем сознании, и должен был начинаться маршрут. В действительности это оказалось не совсем так. Пять часов тряски в переполненном автобусе я пытался припомнить странное название, которое настойчиво повторял Ковалев, но что-то мешало. «Ладно, доберемся – поставлю вопрос ребром», – решил я.

Мой вопрос, когда мы очутились в забытом, глухом ауле с чудным названием, застал всех врасплох. То есть всех четырех аксакалов, давно сидящих на бревнах у аляповато раскрашенной бетонной остановки. Прояснилось, что ни турбазы «Андырчи», ни альплагеря «Джайлык», ни альплагеря «Безенги» здесь нет. И никогда не было. Это надо ехать в Безенги, а тут Булунгу. А то, что нам нужно – совсем в другом ущелье, отсюда не близко. Мы спросили, а что у них тут вообще есть? В этот момент подвернулся один из наших случайных попутчиков, как оказалось, представитель экспедиции изучающей «сели», и предложил свою помощь, то есть пообещал вывести на турбазу «Чегем», несмотря на густой туман. Никаких других предложений на тот вечер не поступило, и я сказал:

– Веди, черт с тобой.

«Открыв не ту дверь», мы продолжали двигаться в новом направлении, в надежде, что рано или поздно, но на нужный маршрут попадем.

Неизвестно почему, но так уж сложилось, что все штур-

манские вопросы в походе решаю я, в то время как на Деда возлагалась как бы техническая часть предприятия. Поэтому, сверившись с картой времен освоения Кавказа народами севера, я принял решение назад не возвращаться, а двигаться на запад пока не доберемся до указанного нам отправного пункта, отмеченного на карте красной шариковой ручкой. Все вышеперечисленное, разумеется, предполагалось делать не сегодня. Приближающиеся сумерки заставили воспользоваться гостеприимством успешного изрядно надоесть специалиста по селям и оползням, который тараторил без умолку уже второй час нашего совместного пути. Очевидно башню у него снесло вместе с последним обвалом, а долгое одиночество научило вести разговор без участия собеседника. Он задавал вопросы и не требовал ответа, а когда у ручейка мы дали ему отхлебнуть из фляги, специалист принялся на них же и отвечать, причем в обратном порядке.

Жил он на краю турбазы в маленьком домике с облезлыми стенами, на двери висела табличка, на которой было начертано: «Входящий не плачь, уходящий не радуйся». Не вникая в смысл сказанного, мы беззаботно свалили рюкзаки на веранде и, достав консервы и припасенную на крайняк водку, отметили первый день, смутно представляя второй. За окном снова зарядил дождь, и под крышей стало особенно уютно. На столе горела свечка, дверь на веранду была распахнута и оттуда доносились запахи дождя и сырого леса. Человек на стуле уснул, сжимая в руках подаренную банку

шпрот. А к утру так и вовсе исчез.

Покидая на рассвете странный домик, мы радовались как дети. Однако, счастье продлилось недолго. Путь, который вчера на карте был не более двух сантиметров, при свете дня оказался далеко не таким коротким. И совсем не таким простым. Разобравшись с географией замкнутого Чегемского ущелья, мы поняли, что теперь нам ничего не оставалось, как только переваливать отсюда в Сванетию через перевал Твибер, за которым по слухам постреливали горячие дети гор, или же лезть прямо напролом через один из отрогов Главного Кавказского, затем штурмовать еще два таких же, чтобы оказаться наконец в нужном месте. Но та снежная гряда с острыми пиками черных скал, что преграждала нам дорогу в соседнее ущелье, и вовсе казалась непроходимой. Решили: сначала на юг, а там уж разберемся.

В начале пути наткнулись на гляциологов – специалистов, изучающих ледники, о которых предупреждал наш вчерашний собеседник: «Держите с ними ухо остро, им только дай...» Гляциологи смотрели на нас пустыми глазами из промокшей на месяц вперед, заваленной набок палатки. Весь спирт из приборов, установленных двумя километрами выше под ледником, они уже отсосали и теперь грустно ждали вторую смену.

Лагерь гляциологов располагался почему-то не на границе льда, непосредственно у предмета изучения, а прямо на границе леса, который весь благоухал после ночного дождя,

не давая сосредоточиться. С зарослей черемухи и орешника осыпались миллионы искрящихся капель, капитально вымочивших одежду и рюкзак в первый же час подъема. Поэтому легко понять нашу радость, когда тропа вывела на открытый склон, усыпанный тут и там сиреневыми пятнами колокольчиков и невысокими кустами рододендрона и можжевельника.

Рюкзаки оказались довольно легкими – только самое необходимое, поэтому мы шли довольно быстро, несмотря на вчерашнее застолье. Легко набрав высоту, на очередной зеленой террасе – так называемые «верхние ночевки», обнаружили восьмерых чехов (или словаков), бредущих в том же направлении. У них было хорошее снаряжение и довольно неясное будущее: они намеревались перевалить Твибер, сесть на автобус и попасть в Сухуми, наивно полагая, что если дорога есть на карте, то и автобус есть.

Почувствовав, что тут будет чем поживиться, мы приклеились к ним, как банный лист к бамперу и одолели вместе два нехилых взлета, после чего оказались в тихом красивом месте, где между береговой мореной ледника и склонами скал Бодорку – смешное название – уместилось небольшое бирюзовое озеро. Встав лагерем по соседству, мы выпили с чехом (или словаком) Петером бутылку ихней «Слиновицы», но ничем больше помочь не могли. Дамы угостили нас шоколадкой, на что Дед тут же сочинил неприличный стих, и поразились странной кубической форме полиэтилена, которым

мы накрывали палатку от дождя – Дед добыл его на какой-то стройке для нашего «Лотоса»¹³. Признаться, мы и сами были не в восторге от такой комбинации, тем более, что пленка до конца палатку не налезала и для нормального человека выглядела нелепо.

Утром, приложив немало усилий, мы отмотали три часа до цели, и в данном походе это был единственный перевал, с которым мы не напутали и не ошиблись, чудом оставив в стороне седловину с названием «Ложный Твибер», прохождение которой не рекомендуется ни в одном из известных мне описаний Центрального Кавказа. Наш перевал находился правее. Спасибо чехам, у них тоже была карта, и карабкаясь то по осыпным склонам, то по заснеженному леднику мы общими усилиями выбрались на выложенную черными сланцами гряду и оказавшуюся этим самым хваленым Твибером. Что со сванского переводится как (никогда не догадаетесь) – «перевал, приводящий в долину».

Ожидаемой панорамы Большого Кавказа, которую мы обещали чехам, к сожалению не получилось. С востока весь обзор закрывала громадина Тихтенгена и сам хребет до вершины Кулактау, а с запада и севера – вершины Ласхедар и пирамида Башильтау. Не видно было и заказанного нам маршрута, от которого по карте нас отделяло полтора сантиметра и два перевала. Битая тропа уходила вниз, мы же

¹³ «Лотос» – матерчатая палатка в виде полусферы.

решили продолжить путь не теряя высоты и траверсом¹⁴, так сказать, «по верхам» выйти на перевал ведущий обратно в Балкарию.

Сфотографировавшись на память и съехав на заднице двести метров по крутой сланцевой осыпи в Грузию, мы попрощались с новыми друзьями и подошли к тому, чего так долго добивались – к приключениям на свою... (правильно!).

По вновь разработанному мной маршруту, это называлось перевал Лычат (категория сложности – 2А, 3600 м) и оно было у нас перед глазами. Два возможных пути – два провала в гребне, разделенных острым косым пиком. Мы выбрали правый, что поближе и повыше.

Для не посвященных, поясню, что в горном туризме принята определенная градация сложности перевалов:

1А – перевал не требующий специального горного снаряжения, обычно снежный или осыпной, при прохождении необходима внимательность и некоторый опыт.

1Б – перевал снежный, снежно-осыпной, необходимо умение организации страховки, хождение в связке, возможен выход на открытый лед.

2А – перевал ледовый, снежно-ледовый, с элементами выхода на скалы. Требуется ледовое снаряжение с такими страшными названиями, как «шлямбур», «кошки», а также умение обустраивать попеременную страховку, перила и т. д.

¹⁴ Траверс – движение вдоль склона без набора и потери высоты.

2Б – перевал скально-ледовый, к перечисленному выше снаряжению необходимо добавить скальные крючья, а так же чем их забивать, закладки и проч. альпинистское снаряжение.

3А – полное альпинистское снаряжение. Предстоит и снег, и лед, и свободное лазанье, и перила на скалах, и камни из-под ног, и шлем на голову.

3Б – все вышесказанное, со знаком плюс.

Чтобы быть точным надо упомянуть и перевалы категории **Н/К**, то есть «некатегорийные», а в простонародье «скотогонные» – название говорит само за себя. Обычно это самый удобный и логичный переход из ущелья в ущелье, такими перевалами пользуются пастухи, сезонные рабочие, переселенцы и те кто вроде нашего брата, заканчивая поход и наевшись экстрима, всеми силами стремятся к теплому морю в надежде до окончания отпуска захватить несколько дней южного гостеприимства и относительно цивилизованного отдыха на курортах благословенной Грузии.

Сказать правду наш уровень хождения по горам колебался где-то между двойкой и тройкой как в прямом, так и в переносном смысле, поэтому категория выбранного перевала нас не пугала, при условии что не было ошибки в расчетах. Да и откуда ей взяться?

Однако крутизна склона постепенно увеличивалась, и у самых скал мы уже прижимались грудью к склону. Скалы оказались «живые». Ни одна глыба на своем месте не держа-

лась. Следы сорвавшихся из под ног камней оставляли далеко внизу, на снежнике, шрамы напоминающие след гусениц трактора. Идущий выше постоянно угрожал нижнему, последний отвечал ворчаньем и бранью. Временами становилось невыносимо тошно, особенно когда выдавалась минута подышать и оглянуться назад, на пройденный путь. То что планировалось сделать за час отняло уже три, а мы все еще были на полпути. На пятом часу карабканья, нужный проем оказался слева, а нелегкая вывела нас на стену без следов и без названия. Имя перевалу Дед конечно тут же присвоил, но приводить его здесь никак не возможно. Это конечно был наш промах, но не самый досадный за этот день, так, в порядке вещей.

К самому перевалу пришлось скатиться вниз по снежнику, оказавшемся на другой стороне гребня. Солнце заходило, как обычно не дожидаясь, пока мы очухаемся и поставим палатку. Да и найти что-нибудь напоминающее площадку под два горизонтально положенных тела не удалось. Перевальный гребень напоминал забор, когда одну ногу уже перекинул, а вторую никак не удастся, потому что некуда упереть первую. На счастье, в десяти метрах выше я обнаружил пару плоских наклонных камней, напоминающих алтарь для жертвоприношений, которые и решено было использовать для ночлега. Найденную тут же, под туром «почтовую» банку, где лет сто ничего не лежало, Дед в сердцах запустил в пропасть, а я не успел его остановить. Ну и накликал беду.

После чего оставалось только ждать ответа. И нарисовался он без задержки.

Снизу, поднималась туча, черная и густая.

– Целлофан давай! – скомандовал Дед, упорно не желая называть полиэтилен – полиэтиленом.

Мы быстро постелили все что было на камни, чуть под наклоном, и легли накрывшись и подоткнувшись пленкой от дождя. Природа замерла и в воздухе запахло озоном. Опустился мрак. Вместе с ним упали первые капли и застучали по мозгам, прикрытым тонким слоем «целлофана».

Человек в таком положении всей кожей ощущает, где подмокает, куда скатилась капля, откуда дует. А дуло, доложу я вам, изрядно. Поначалу казалось, что каждый следующий порыв непременно опрокинет нас вниз, и мы даже задумали было привязаться веревкой, но заспорили кому вылезать да так и остались лежать не привязанные.

В полночь раздались первые раскаты грома, и вспышка в глазах напомнила несколько невеселых историй. Дед сосчитал секунды и сообщил расстояние от нас до разряда. Вспомнили физику – девятый класс, формулу скорости звука. Стало не по себе. Следующий удар приблизился. По нашим расчетам – 7 км, 5 км, два с половиной...

Выше нашего камня торчал только пик, зловещий силуэт которого, в свете молний, фиолетово мерцал над головами.

– Все железо за борт пока не поздно! – заорал я, и команда начала выполняться одновременно с двух бортов, людьми

страшно заинтересованными пожить еще. В ночь полетели кошки, сковорода, крючья, топор, айсбайль¹⁵. Немного успокоились, снова улеглись и подоткнулись пленкой. Но волосы встали дыбом, как на ошпаренной крысе, когда, уже забравшись в спальный мешок и соорудив подушку, из-под собственной головы я вытащил четырехкилограммовый набор железных прутьев от палатки, представляющий собой одну из важнейших деталей громоотвода. И сопровождаемые руганью, они полетели вниз, высекая из камней искры в напитанной электричеством атмосфере.

Вокруг грохотало не переставая как при штурме Измаила, и временами освещение было получше чем в моем родном подъезде. Думаю, что со стороны это смотрелось феерично: две потенциальные жертвы поджав ноги колотились на «алтаре» под полиэтиленовой пленкой все больше напоминающей полупрозрачный саван. Частично успокаивало, что железо не под головой, а хотя бы в четырех – пяти метрах...

Ворочались до рассвета, с каждым часом все больше удивляясь, что живы. Скоро стало возможным различить градинки лежащие на пленке, но когда удалось высунуть голову для выяснения потерь, оказалось, что это еще не все. Мы лежали в густом облаке и, судя по всему, гроза гуляла по кругу. Только ближе к полудню, по моим биологическим, была пред-

¹⁵ Айсбайль – ледовый молоток в виде ледоруба, у которого с одной стороны традиционный клюв, с другой вместо лопатки скругленный обух для забивания ледовых крючьев.

принята попытка соскочить с насиженного места. На короткий срок развиднелось, и мы увидели ледник, круто уходящий вниз, с широкими разрывами поперечных трещин, вроде надписи «сюда нельзя».

Без завтрака, покидав вещи в мешки и дрожа от холода, мы собрали снаряжение, связались веревкой и напряженно начали спуск. Дед страховал, а я как более легкий, задом выходил на вертикаль. Первый ближайший бергшрунд¹⁶ перерезал весь ледник, и только под нами чудом держалась, ясно на чем, снежная перемычка шириной в два метра. Я опустил на ее центр, постоял, перенес рюкзак и полез обратно к Деду, порадовать старика. Закрепился на ледорубе и стал травить веревку. Дед исчез за выступом и неожиданно сорвался.

Я был сброшен рывком как пушинка и, падая, повис на коротком конце страховки, перекинутой через оставшийся торчать в снегу ледоруб. Дед долетел до мостика и, впечатавшись задницей в спрессованный снег, тормознулся. Восстановилось хрупкое равновесие. На мой вопрос Дед ответил односложно. Я дополз до ледоруба, закрепился по новой, и перевел дух. А за спиной, кто-то тихим, но проникновенным голосом сказал:

– Живи пока...

¹⁶ Бергшрунд – подгорная трещина, возникающая на границе ледово-фирнового покрова и отрывающейся массы ледника. Характерно превышение верхнего края трещины над нижним. Фирн – крупнозернистый спрессованный снег, точнее переходное состояние между снегом и льдом.

Несколько слов о нашей страховке. Ее недостатки еще два года назад продемонстрировал профессор Шатровский, пропахав сто метров снежной целины наперегонки с Дедом в сторону далеко внизу видневшейся земли. Лев Жданов, путешественник со стажем, годом позже был потрясен нашим способом вязать обвязку. На этом примере можно было изучать основные ошибки начинающих скалолазов, на ней можно было удавиться, но своих основных функций обвязка не выполняла – это точно. Возможно, когда-то я и знал основы теории вязания узлов, но время шло, а знаний не прибавлялось. Дед же вообще теорией не увлекался и вязал от души, полагая, что альпинизм доступен каждому, кто думает, что может забить крюк.

Однако в этот раз, спустившись к Деду на «разбор полетов», мне пришлось выслушать много интересного. Скандально известный председатель Добровольного Надводного Общества, сокращенно «ДНО», в резкой форме указал на недопустимость страховки «через плечо», а так же усомнился в правильности выбранного пути. Отойдя два метра от снежного моста, который за время перепалки успел с грохотом обвалиться, Дед продолжил мысль, что подводит не снаряжение – подводят люди, на что ему к месту пришлось напомнить последний сплав по реке Черный Черемош, где в первые полчаса были сломаны три весла из трех, добытых Дедом в одной полувоенной организации. И никто за это не ответил. Конечно дело не в веслах, страховать на-

до тщательнее, тут я согласен, но нужно было как то защищаться.

Еще пару минут пошумев, пожали руки и в этот раз и заодно уронили рюкзак Деда еще метров на сто вниз, к обоюдной радости не в трещину. По времени пора уже было уносить ноги, но пришлось поплутать среди разрывов в леднике, как в лабиринте, прежде чем внизу, справа на морене появились первые признаки тропы. Это был царский подарок. Мы запустили «Турдомовский» фирменный примус, и нехитрые продукты быстро перекочевали в наши опустевшие за сутки животы. Еще час после обеда лежали и курили глядя туда, где все еще грохотала и выла гроза, упустившая на этот раз свою законную добычу.

Далее путь лежал вниз по реке Балдошка (надо же так назвать!), гигантской мореной правого берега. Предполагалось, что внизу в сосновых лесах расположена турбаза «Башиль», что было бы очень кстати. Тропа постоянно пропадала, теряясь в пятнах свежеснеженного снега и нагромождениях камней, долго петляла по криволесью, а во второй половине дня упал туман, и мы перестали видеть куда идем, только чувствовали – вниз. Временами казалось, что горы давно уже кончились, и мы проскочили базу. Только к исходу дня надежда затеплилась с новой силой.

Приятно, валясь с ног, услышать в сумраке вечернего леса стук дизеля и почуять дымок с кухни. Решив не прятаться от спасательной службы и честно соврать, мы вошли в лагерь

открыто и бросили рюкзаки на крыльце инструкторского домика, отрабатывая версию с потерянной маршрутной книжкой.

До бумаг дело не дошло. Ново обретенный друг Хусейн вручил нам ключ от рабочего вагончика, стоящего над грохочущей рекой в живописном месте с соснами и сочной зеленой травой. Два отсека, кровати с чистым бельем, тумбочка и стол – в середине похода это больше напоминало галлюцинации обмороженного бомжа.

Отлив часть спирта, мы направились к инструкторам развивать дальше традиции горного гостеприимства. Выпили. Оказавшийся начальником радиорубки Хусейн вынул из-под кровати гитару. Спели. Потом все вместе пошли в пекарню. Там обнаружился еще десяток местных, кастрюля сметаны, мясо и свежий хлеб. Водка и вино. Заговорили по балкарски, я произнес «соулукх», вроде нашего «на здоровье», и выпил стоя с локтя. И пьянка понеслась... Потом вернулись к нам в вагон, с нами начальник вагона и друг начальника вагона – начальник дороги.

Утром явились: начальник лагеря и его родственник Муратдин, которого представили словами «пока он с вами, беда вас не оставит». В рукаве он принес бутылку водки. Мы запели. Портвейн. Заснули. Очнулись, пошли к Хусейну, помылись в душе, в душе удивляясь происходящему. Вечером привалила родня начальника вагона и окрестные пастухи с верхних кошей – Сулейман и Али. Кош – это сарай

из жердей с земляным полом и лежанкой, ничего лишнего – они там за лето очумели и были рады принять участие в любом мероприятии от свадьбы до поминок. Начался праздник всего племени. По местным обычаям произносили тосты, младший брат не садился в присутствии старшего и каждые полчаса доставал из под нашего! (я проверял, но источника не нашел) вагона бутылки с вином. Разливали по старшинству, почему-то начиная с меня. Звучали народные балкарские напевы и русская, а потому – синяя, «птица удачи».

За следующие сутки гуляний оба отделения вагончика загадили до потолка, он светился и гудел в опустившейся южной темноте как дом с привидениями, как ночной кошмар, пугая остальных обитателей долины. Время остановилось.

Не знаю, сколько это продолжалось, но однажды мы проснулись и почувствовали усталость и голод. Несмотря на то, что поедали мы все время чужое, наши продукты тоже почему-то кончились. Из оставшихся возможных вариантов выбрали блинную муку, и стали жарить блинчики на свином сале. Целую кучу. Вываливший тем временем из вагончика соседский пастух удивленно спросил, за каким хреном мы это делаем – баран же есть? Мы обернулись в направлении указанном забинтованным фиолетовым пальцем и обнаружили на сосне, подвешенную на суку, разделанную тушу, после чего Дед молча вывалил все приготовленное в реку.

За бугром уже разгорался праздничный костер, где по-прежнему наливали по старшинству. Когда я попал обратно

в вагон, на столе дымилась гора мяса и все полтора десятка участников фестиваля ели его руками. Мы включились в дело, но вырубился свет. Тогда мы распаковали сюрприз (новинка в туризме) – японскую «не горячую свечу»,¹⁷ – пластмассовую капсулу, испускающую свет за счет химической реакции, и повесили ее светить над столом. Воцарилась гробовая тишина, прерываемая восклицаниями по смыслу похожими на «вот это да» и «не может быть». Изумление сменилось восторгом, и она пошла по рукам. Через десять минут свечу доканали, сгибая и проверяя на прочность, а вся банда, перемазанная фосфором и бараньим жиром разом затахтела. Все это в тускло-зеленом свете, под аккомпанемент оборванных струн.

Потом мы пили брагу из канистры, мотали круги по лесу, переходили реку Башиль по качающемуся мосту – жуткое зрелище, возвращались в темноте на звук, и желтые глаза идущего на пролом Деда светились в предрассветной мгле как габариты бульдозера...

На следующее утро мы ушли. Горы манили своими уже слегка забытыми далями, солнце, редкое в тот год, грело и ласкало, а провожающий нас Хусейн неуверенно показывал пальцем направление пути, на единственно возможный в нашем положении перевал Киллар 1Б. А заманчивый путь вниз по реке Башиль снова привел бы нас в низовья Чегемского ущелья... Замечу вскользь, что моя карта и описание

¹⁷ «Не горячая свеча» – так было на этикетке.

района в этом месте кончались словами «далее путь возможен через перевал Киллар 1Б или более сложные: Голубева 3А, Штернберга 2Б, Донкина 2Б» и еще через пару непроходимых с такими же экзотическими названиями. То есть описание маршрутов, лежащих в выбранном направлении, нужно было искать в другом сборнике, а частью карты с последним этапом похода во время «праздников» кто-то воспользовался не по назначению. Поэтому идти нам предстояло «в темную», что повышало категорию как минимум на единичку. Также напомним, что, перевалив этот рубеж, мы могли бы наконец попасть к началу «заказанного» нам маршрута, если вы тоже об этом забыли.

По очень крутому подъему овечьими тропами выбрались на террасу¹⁸, про которую говорили пастухи. Люди словно вымерли. У коша, где разлился ручей, – только голодные псы да лошадь облепленная слепнями. С перекурком двинулись дальше, мыслями пребывая уже в долине Баксана, где пиво и цивилизация ждут усталого путника на каждом шагу. В надвигающемся вечере мы вылезли на стоянку у озера с названием Верхние Килларские ночевки и порадовались, что находимся на верном пути – название мы обнаружили в записке, оставленной харьковскими туристами на прошлой неде-

¹⁸ Терраса – ступенчатый участок на склоне, обычно позволяющий поставить одну или более палаток. В альпинизме градация таких участков следующая: *уступ* – небольшая выемка, на которую можно опереться ногой или рукой, *полка* – на нее можно встать ногами, *балкон* – можно сидеть, *терраса* – можно разместить палатку.

ле. Рассчитывая завтра перевалить к людям, рубанули последние остатки жратвы, дернули по сто пятьдесят и отключились.

А наверху в это время думали иначе...

Спозаранку, не утруждая себя поисками тропы, начали подъем по морене, за которой открылась еще более высокая. Наступил один из самых нудных эпизодов похода – камни, все сыпется и никакой перспективы. Без завтрака это ненормально – начинать день с такого затажного броска. Временами от однообразия камней начинало мутить, да порой не давала покоя мысль, как будем отчитываться о пройденном и подготовленном маршруте.

Самая низкая точка хребта, открывшаяся во второй половине дня, как-то без подъема вывела на купол большого ледника, взамен ожидаемого легкого пути вниз. Пересекли весь размокший и рыхлый ледник и вышли на другой край... Дальше пути не было. Отвесная и ненадежная скала обрывалась по всему видимому периметру ледника и кончалась далеко внизу, где уже лежала вечерняя тень. И тишина стояла, как после выстрела.

Ноги промокли насквозь. Я расшнуровал ботинки, вылил воду и выжал стельки и носки. Потом снова надел.

– И сюда ты собираешься вести интуристов? – спросил Дед, прекрасно зная ответ.

– Мы ничего им не скажем, – ответил я. – А у тебя как я вижу, другая точка зрения?

- Да. Я предлагаю, чтобы клиенты в этом месте разулись.
- Чтобы ощутить в полной мере?..
- Нет. Если улетят вниз, с тупа потом не снимешь. А снаряжение у них – гут.

Мы покурили глядя то вниз, то друг другу в глаза. Потом разошлись в противоположных направлениях, пока не потерялись из вида, но даже намек на спуск так и не обнаружили.

Приближалась ночь, и мы отступили, с болью теряя набранную за день высоту. Дед еще раз лазил на гребень, все надеясь на что-то. В сумерках перетрясли мешки и обнаружили: пустую литовскую банку из под тушенки с остатками жира, пол пакета супа, крошки от хлеба, и приправу к еде, которой не было. Все найденное закидали в котел и пустили примус, гадая хватит ли бензина.

Состав получился пересоленный хуже яда, не надо было сыпать приправу к уже соленому супу. С отвращением проглотили по паре ложек этой дряни, выпили с горя и уснули ногами в долину, не забыв сунуть в спальник мокрые носки для просушки. Кто думает, что носки сушатся на веревочке перед входом в палатку – сильно ошибается. Они кладутся под себя в спальник и к утру становятся если не сухими, то по крайней мере теплыми.

Утром разбавили водой то, что варили вечером и с аппетитом съели. На совете решили повторить попытку найти тропу потерянную накануне.

Пересекая ущелье поперек, из последних сил и со слабой надеждой на успех, мы к полудню вышли на нечто, напоминающее первобытную стоянку – банки, фантики, обрывки полиэтилена, кучки кала. Это был наш последний шанс уйти из Башиля, и мы его использовали, взяв снова вверх от унылого стойбища. Что-то наподобие тропы угадывалось в скатах громадного снежника, разделенного пополам кривым гребнем скалы. И два пути: справа и слева. Справа было пониже и мы, словно кто-то подтолкнул нас легонько, под локоть, поплелись в указанном направлении. Последние метры карабкались по трухлявой, каменистой стенке, роняя вниз

куски песчаника, и вылезли, наконец, на гребень, не очень напоминающий перевал легкой категории. Скорее наоборот. Однако, поскольку другого не было, мы вздохнули с облегчением: путь, какой никакой вниз вел, да и перевалов других не должно было быть в ближайшем окружении.

Я закурил, посвящая сигарету счастливому освобождению из ловушки, а Дед все шарил возле тура, в поисках записки. Найдя весточку, он зачитал ее вслух, и сигарета вдруг стала невкусной, а мысли сумбурными. Мы опять ошиблись, и перевал оказался не Киллар, а Штернберга, и не первой категории, а второй. «Бэ». А это значило, что по крайней мере сегодня, а то и завтра есть нам не придется... И дорожка вниз не казалась уже такой легкой.

Она оказалась хуже всех прочих, и это стало ясно, как только мы на нее вступили. Все, что было под нами поползло вниз, как дерьмо по кафельной стенке. Через десять минут Дед висел на правой стене кулуара¹⁹, а я погрузившись по колени в центре сыпухи²⁰, боясь пошевелиться. Изредка мы обменивались словами. Попытка перебраться на лед оказалась неудачной, плюс к этому по леднику поперек пути легла трещина достаточного размера. Не скажу, что мы спустились, мы просто съехали до снега вместе с тропой, чему поначалу

¹⁹ Кулуар – вид горного рельефа – удлиненная промытая водой впадина на склоне, обычно заполненная обломками скал.

²⁰ Сыпуха (разг.) – так обычно называют различного вида осыпи, то есть скопления обломков горных пород, которые в свою очередь бывают крупными, средними и мелкими.

слегка обрадовались. Особенно приятно было смотреть назад, любуясь устремившимися ввысь коричневыми породами гнилой гряды, где ни один камень не лежал там, куда его положили. Оборачиваясь и задирая головы, мы прощались с этим цепким поднебесьем, ибо даже душу, не то что взгляд, нелегко было оторвать от изломанной линии богом забытого хребта, многие годы назад заманившего в сети несчастного бедолагу Штернберга.

Первые шаги по леднику, покрытому глубоким, рыхлым снегом насторожили, но связываться веревкой было лень. Да и устали изрядно – на таком-то пайке. Я как более легкий шел первый, а впереди, в трех шагах, под слоем изъеденного солнцем снега, ждала трещина, и никто об этом не догадывался.

Все ушло из-под ног как и не было – огромный пласт с шипением и свистом оборвался вниз, и я, потеряв опору, полетел вместе с ним прямой дорогой в ад. И в следующую секунду, не дав мне опомниться, последовал мощный удар, точнее рывок вверх, как если бы у меня вместо рюкзака раскрылся парашют. Мой не маленький, восьмидесятилитровый мешок вместе с привязанными к нему стойками от палатки капитально встал в распор между сужающимися в этом месте ледяными стенами. Приостановил, так сказать, на время мое падение и застрял, подвесив меня в ляжках с растопыренными руками. Ноги болтались без опоры, а глаза, описав дугу остановились на застывших ботинках Деда.

– Назад! – заорал я, в то время как Дед привычным движением скинул основную веревку и начал спасательные работы.

Не испытывая никакого желания ждать классического исполнения обряда, я просто ухватился за конец веревки и без всяких принятых в таких случаях премудростей, быть может, несколько поспешно, выкарабкался и встал на четвереньки. Было такое чувство, что у меня поседели яйца – если не верите, попробуйте обвязаться бельевой веревкой и выпрыгнуть с балкона девятого этажа. Из провала шел пар, справа виднелся разрыв ледника, который теперь ясно куда вел. Мы вернулись на скалы, предпочитая при таком раскладе ловить на голову мелкие камни, чем испытывать устаревшие модели парашютов.

Найденные в штормовке два леденца мы поделили на первом более-менее безопасном пятачке, причем свой я рубанул сразу, а Дед откусил половинку, а вторую завернул в бумажку и отложил. Больше еды не было.

Несколько раз мы вылезали на каменные лбы²¹ и с трудом находили спуск. К вечеру выбрались на самое узкое место ущелья, в нем чувствовалась ловушка. Получасовые поиски тропы ничего не дали. Остановились, и Дед пожарил на грязной, в старом жиру, сковородке, крошки из пакета, в кото-

²¹ Лбы – часть горного рельефа – еще их называют «бараньи лбы» – округлые сглаженные водой выходы скальной породы выступающие на вертикальных травянистых и снежных склонах.

ром раньше хранился хлеб. Мы ее вылизали до блеска и это нас подбодрило. Запили водой из ручья.

Снизу подходила туча и, стараясь успеть до дождя, мы двинули вкрутую по кулуару, куда падали все камни с окрестных скал, другого пути просто не было. Спускаться становилось все тяжелее и тяжелее, последнюю треть пришлось сливаться прямо по водопаду, так что уши закладывало. К концу головокружительного спуска вымокли насквозь и, перебравшись на другой берег потока, обнаружили тропу. Вот уж свезло! Она вела по редкой травке прямо над рекой, в густом как молоко тумане, и в какой-то неестественной тишине. Затем наткнулись на большой обугленный ствол поперек тропы, не понимая откуда он мог взяться. Сели покурить, решая эту задачу, и тут хлынул ливень, не дав Деду договорить, что десять минут ничего не решают. Мы вымокли еще раз и влезли в и без того сырую, коряво поставленную палатку и сочные спальники. Было не сладко, поэтому открыли флягу, да так приложились, что захмелели с голодухи. Нашли за подкладкой штормовки дольку от чеснока и порезали ее на части. Под закуску повторили и уж готовы были запеть, но уснули.

Проснулись от луж. Сверху опять лило, и холод забирался за пазуху, сводя с ума. Остаток ночи мы сидели по центру шатра в позе эмбриона и ждали рассвета, чтобы бежать вниз, к людям, где можно было поесть и, лечь, вытянувшись во весь рост.

– Я думаю, англичанам понравится, – сказал Дед, стуча зубами. – Маршрут надо назвать «тропой Сусанина – Штернберга», а билеты покупать в одну сторону.

И повернув ко мне заросшее до самых глаз, смеющееся лицо, спросил:

– Как будем выкручиваться, проводник?

– Вот так, – я подтянул спальник и начал его выкручивать. Вода из-под пальцев потекла на спальник Деда. – Может сказать, что запланированный маршрут не проходим и предложить другой? Например, через Узункол²².

– Или этот, наш? И в Башиле с местными контакт налажен, – включился Дед. – И тропу мы уже знаем.

Голод и дождь не дали больше уснуть, и с рассветом, во всем мокром мы побежали вниз. Тропа все петляла и терялась в мелколесье, в кошмарной бузине и крапиве, потом перешла в лесную дорогу и так километров двадцать пять, пока мы не уткнулись в смытый труп моста, и не увидели на другом берегу людей и шоссе. Дороги на ту сторону не было и, глядя на вереницу автомашин, везущих людям еду, я почувствовал, что схожу с ума.

С полчаса мы проорали, размахивая руками, после чего ниже по течению нашли остатки натянутого через поток стального троса, возможно служившего в довоенные годы переправой. Зацепившись за него карабинами для страхов-

²² Узункол – название ущелья с одноименным альплагерем в районе Гвандры – долины в верховьях реки Кубань восточнее Эльбруса.

ки, вброд перешли реку, еще раз вымокнув по грудь. После чего, шатаясь от голода, выбрались на дорогу. И сели ловить попутку. Из съестного у нас остались две сигареты на двоих и одна спичка.

Это была самая вкусная сигарета в жизни. Тепло и асфальт в обе стороны – цивилизация. Наверх – в Чегет, вниз – Нальчик и далее Минеральные Воды, где через неделю наши друзья будут встречать прилетающую группу. Вдалеке показался автобус, я закрыл глаза и представил как ставлю на поднос первое, два вторых, салат, сметану, сырники или оладьи, сок, компот и восемь хлеба. «Вот оно как, – подумал я, – брать перевал в темную».

– Вам куда? – спросил шеф.

– Нам до упора, – сказал я, решив в пользу родного Чегета.

«А упор наступит скоро», – подумал шофер. Не прошло и пяти минут как машина остановилась. Этой ночью дороги к пиву не стало. После вчерашнего ливня с правого склона ущелья сошла гигантская сель и засыпала единственное шоссе. А заодно с ним и мост. Пассажиры вывалили из автобуса и вместе с другими несчастными, прибывшими ранее, начали галдеть. Те, кто имели на руках путевки в местные дома отдыха, и не собирались ночевать на дороге, полезли с чемоданами и детьми по камням на другую сторону завала. У нас не хватило ума понять, что пива там нет – все выпили. И все съели. И в магазинах – ноль, и света тоже нет. Видимо, в этом нужно было убедиться воочию, и мы

потацились на юг, через треклятую сель вместе со всей толпой. Голод гнал нас туда, где раньше было все. Из последних сил мы карабкались вместе с отдыхающими, хотя в отличие от них, могли бы двинуть и в обратном направлении, связанным пока еще асфальтом с внешним миром. Мы дошли таки до места, где обычно жарились шашлыки, увидели пустырь, где раньше стояло кафе «Горянка». Постояли, потупившись, около закрытого магазина. Уткнулись в буфет возле Чегета, где купили и тут же съели кило пряников и повернули назад, так как приближались двое неразлучных: ночь и дождь. Они достали нас в Итколе, где такие же как мы дикари ставили палатки на затопленном водой стадионе.

По счастью в Итколе пустили дизель, и в баре ближайшей гостиницы включился свет, который позволил разливать на полках: коньяк, шампанское и вафли в пачках. Это конечно нельзя было назвать ужином, но мы сели и принялись набивать желудок, чем бог послал. Часа через четыре, вкупе с пьяненьким поляком Тадеушем, который имел несчастье подсесть к нам за столик, нас выставили под проливной дождь. Тадеуш пал. Мы вломились в какой-то вагончик без колес с дырявой крышей, где ютились и как выяснилось уже спали, девять туристов из Питера.

Мы угостили их нашим фирменным напитком. Они открыли тушенку, но закусить не успели – туда влез Дед. Повторили при свечах, сверху капало прямо в кружки, а мы сидели на полу, полуразвалившись, отходя таким образом

ко сну. От Деда шел пар и храп, а на лице играла безумная улыбка. Ему, счастливому, снилось, что наконец-то удалось скоммуниздить тент от КАМАЗа, и теперь мы сошьем себе непромокаемую палатку. Ноги лежали в луже, а в голову дуло. В углу бредил больной. Жизнь продолжалась.

Утром все курили у крыльца, стоя по щиколотку в воде и не замечая неудобства с этим связанного. К воде привыкли так, будто мы неделю с ног не снимали ласты.

Пришлепал по лужам поляк и затараторил на ломанном русском:

– Дождь. Лужа. Протекать. Не есть хорошо.

– Нет, Тадеуш, – сказал ему Дед, – «не есть» – плохо! Закуси это себе на носу!

Стало ясно, что отсюда одна дорога – на север, и, обменявшись телефонами и горячо попрощавшись с людьми, которых видели в первый и последний раз, мы выдвинулись в на трассу. Не дожидаясь пока два бульдозера разгребут завал, мы с тем же энтузиазмом, что и накануне перевалили сель в обратном направлении, наперебой поражаясь собственной глупости.

К часу дня мы оба доедали четвертую порцию шашлыка. Дед отправился за пятой. Бесплатным приложением светило солнце. В Верхнем Баксане нам продали 6 (шесть) бутылок «Агдама» и одну контрольную. Плюс консервы. В ста метрах справа свистел на ветру всеми щелями коровник или что-то в этом духе, до предела разрушенный и загаженный тури-

стами. С воткнутым в землю покосившимся указателем «Бивуак». Часть дома заняли два десятка курсантов под руководством старого полковника, помещанного на военном туризме. Мы заняли вторую половину дома, приведя первую в полную боевую готовность. Воины приготовили огромное количество еды, и мы подружились. Им даже нравилось нас кормить. А мы в свою очередь устроили всем «кузькину мать» – веселый праздник по случаю завершения трека. Так как военные не пили, нам хватило, и даже одна осталась на утро, контрольная...

Утром, приняв парад и напутствовав новичков на первый перевал, мы славно похмелились на полянке возле шоссе, наслаждаясь видом снежной вершины Андырчи и установили, что в эту ночь у нас самолет на Москву из Минвод. Тогда же по карте определили, что ущелье, уходящее вверх от нашего бивуака, и есть то самое место, откуда предполагалось начать разведку предстоящего коммерческого маршрута. С сожалением пришлось признать, что поставленная задача оказалась выполнена не полностью.

Голосуя, добрались до Нальчика, где давали чешское разливное пиво и пирожки с капустой. Самолет взмыл по расписанию, унося нас, спящих, в любимый город, с отчетом о большой проделанной работе.

Глава 3. Паровоз

Путешествия по родному краю играют немаловажную роль в коммунистическом воспитании молодежи. ...Человек получает трудовые навыки, вырабатывает в себе элементы коллективизма, товарищества, дружбы, чувство ответственности, любовь к Родине.

Все продукты, в особенности сыпучие, укладываются в мешочки, заранее сшитые, и прочно завязываются.

В тот самый день, когда мы с Дедом закончили маркировку маршрута и вылетели в Москву с докладом, двое других участников экспедиции: Марат и Андрей, забив доверху продуктами турдомовский автобус, выехали в направлении Курского вокзала. Настроение было приподнятое по причине огромного количества и разнообразия жратвы, да еще денег, выданных сверху на случай проблем с таможней. О какой таможне шла речь никто толком не знал, но все согласились, что деньги на этот случай очень даже необходимо отложить, и уже по одному хитрому взгляду Цыпы было видно – проблемы «возникнут» непременно. Весь груз ящичков, банок и мешков с продуктами, которые он упрямо называл «закуской», предполагалось забить в два отдельных купе, в них же должен был разместиться и конвой.

Грузить подъехали все, кого к этому моменту удалось вычислить по телефону. Проводить паровоз в нашей компании считалось святым делом, и случалось, провожающие ехали до Тулы, а то и до Орла, приводя в бешенство проводников, у которых количество билетов никак не сходилось с количеством пассажиров. Не говоря уже о том, что порой билетов не было не только у провожающих. И на вопрос проводницы, обнаружившей нас однажды спящими в проходе: «Ребята, скажите правду, у вас что, два билета на троих?» – Дед, очнувшись, честно ответил: «Нет – один на четверых!», и снова упал в проход.

На этот раз билетов было восемь – на два купе, ехали двое, а провожать пришло человек пятнадцать, и у проводников крыша съехала еще до отправки поезда. По просьбе Марата, был открыт рабочий тамбур, и погрузка, напоминающая горную лавину, была произведена в рекордно короткие сроки. Все мешки и коробки, включая пару чужих чемоданов и перронную урну, забили оба купе под потолок, причем оставалось еще время разлить «на дорожку» и это дело перекурить. Костя, самый молодой в нашей компании, но уже зарекомендовавший себя, как человек большого душевного риска, в последнюю минуту все же решил проехать с обозом «пару остановок» и, не успев позвонить жене, вскочил на подножку отправляющегося вагона.

Как только поезд тронулся, и хмельной воздух дальних дорог ворвался в открытую форточку доверху забитого и по-

тому по особому уютного купе, по традиции была открыта липкая бутылка «Южной Ночи» – в память о тех годах, когда совсем молодые мы только начинали исследовать нашу планету. Из ближайшего ящика, через разорванный угол, была вытащена упаковка чего-то сушеного и сладкого, возможно фиников, и Андрей еще раз подивился, до чего же разнообразный стол будет у наших клиентов.

Следует заметить, что до настоящего времени, все наше горное меню ограничивалось тушенкой с рожками да двумя видами круп. Конечно, встречались и более изощренные туристы, рассчитывающие соотношение количества калорий на килограмм веса и тащившие с собой орехи с медом, халву и прочие наполнители, но в целом последнее считалось экзотикой. Как-то раз нам довелось водить по Гвандре²³ одного такого отставного военного, везет же нам на солдат! с женой и детьми, человека повернутого на правильном туризме, и его рацион я запомнил на всю жизнь. В шесть часов: «Рота подъем!», чашка кофе и печенье с джемом. Калорий, как он утверждал, столько же, сколько в полукилограммовой банке «Китайской стены»²⁴, а день испорчен навсегда. Кроме того, весь этот приторный ассортимент, повторяемый изо дня в день, абсолютно не загружал желудок, только руки

²³ Гвандра – так называется большой район в верховьях Кубани от поселка Учкулан до подножья Эльбруса.

²⁴ «Китайская стена» – популярная тогда, за дефицитом советской, китайская тушенка.

липкие, а тащить приходилось за двоих. А закусывать как?
О том и речь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.